

* *

Не плачь, не плачь, мое дитя!
 Не стоить онъ безумной муки.
 Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
 Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
 И мало ль въ Грузіи у насъ
 Прекрасныхъ ювошей найдется?
 Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
 И черный усь ихъ лучше вытѣси!
 Изъ дальней, чуждой стороны
 Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
 Онъ ищетъ славы и войны—
 И что жъ онъ могъ найти съ тобою?
 Тебя онъ золотомъ дарилъ,
 Клялся, что вѣчно не измѣнитъ;
 Онъ ласки дорого цѣнитъ,
 Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

* *

Это случилось въ послѣдніе годы могу-
 чаго Рима.
 Царствовали грозный Тиверій и гналъ хри-
 стианъ безпощадно;
 Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ
 вѣтвей, у древа
 Церкви Христовой юные вновь зеленѣли
 побѣги.
 Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ,
 скрывался въ то время
 Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ
 свой вѣкъ доживая;
 Богъ его въ людяхъ своей благодатью про-
 славилъ.
 Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ
 недуговъ тѣлесныхъ
 И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ
 однажды,
 Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха
 простого
 Званія; съ нею и мужъ ея, грусти без-
 молвной исполненъ.
 Просить она воскресить ея дочь, внезапно
 во цвѣтѣ
 Дѣвственной жизни умершую... «Вотъ ужъ
 два дня и двѣ ночи»,—
 Такъ она говорила,—«мы нашихъ боговъ
 неотступно
 Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на
 мраморѣ хладномъ,
 Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ...
 но все бесполезно!
 Если бъ зналъ ты Виргинію нашу, то
 жалость стѣснила бъ
 Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ
 міра: какъ часто
 Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи,
 воднистыя кудри,
 На темныя очи ея—молодѣли; юноши страст-
 нымъ

Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая
 простую
 Пѣсню, амфору держа надъ главою, остано-
 влено тропинкой
 Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ
 бассейнъ спускалась,
 Передъ домашнимъ порогомъ, подругѣ по-
 бѣждала искусствомъ,
 Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родитель-
 скій слухъ утѣшая
 Только въ послѣднее время примѣтно она
 измѣнилась:
 Игры наскучили ей, и взоръ отуманился
 думой;
 Изъ дома стала она уходить до зари, воз-
 вращаясь
 Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна про-
 водила. При свѣтѣ
 Поздней лампы я видѣла разъ, какъ она,
 на колыбѣхъ,
 Тихо, усердно и долго молилась... кому?...
 неизвѣстно.

Созвали мы стариковъ и родныхъ для со-
 вѣта; рѣшили...»

(Осипу Ив. Сенковскому.)

(писавшему подъ псевдонимомъ: «БАРОВЪ ВРАМЪ»)

Подъ фирмой иностранной, иноземецъ
 Не утаилъ себя никакъ—
 Бранится пошло: ясно, нѣмецъ, тѣмъ же
 Похвалить: видно, что полякъ.

Прощай, немытая Россія,
 Страна рабовъ, страна господъ,
 И вы, мундиры голубые,
 И ты, послушный имъ народъ!
 Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
 Укроюсь отъ твоихъ вождей,
 Отъ ихъ всевидящаго глаза,
 Отъ ихъ всеслышащихъ ушей!

С п о р ѣ .

Какъ-то разъ, передъ толпою
 Соплеменныхъ горькихъ враговъ
 У Казбека съ Шатъ-горою
 Былъ великій споръ.
 «Берегись!» сказалъ Казбекъ
 Съдовласый Шатъ:
 «Покорился человѣку»

Ты не даромъ, братъ!

*) Это стихотвореніе было написано Лермонто-
 вымъ въ досадѣ на нѣкоторыхъ недоброжелателей
 его, недолетавшихъ добиться отставки. Во время
 хлопотъ о ней графъ Бенкендорфъ приказалъ
 поэту оставить Петербургъ въ 24 часа. (Прижиз-
 н. изд. Висков.).